

БЕСПРИНЦЫПНЫЕ ЧТЕНИЯ

ВИШЛИСТ

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ
АЛЕКСАНДР БЕССОНОВ АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ
АЛЕКСАНДР МАЛЕНКОВ

ДЕНИС БАГЛАЕВ
ВЕРА ГАМАЮН
АЛЕКСАНДР ГУТИН
ЖУКА ЖУКОВА
ОЛЬГА ЗАМЯТИНА
ЮЛИЯ КАМИЛЬЯНОВА
ГАЛИНА КАПУСТИНА
АЛЕКСЕЙ МАРУСОВ
МАРИЗТТА А. РОЗ
ЕКАТЕРИНА СМОРОДИНОВА
СЕРГЕЙ ТЮНЬКИН
ЭМИЛЬ ХЕСКИ
ВИКТОРИЯ ХОГЛАНД
ЕВГЕНИЙ ЧЕШИРКО
АННА ЩЕРБАКОВА
АДИЛЬ ЮЛДАШЕВ

Александр Маленков
Екатерина Смородинова
Эмиль Хески
Мариэтта А. Роз
Виктория Хогланд
Александр Евгеньевич Цыпкин
Денис Баглаев
Галина Капустина
Константин Хабенский
Алексей Викторович Марусов
Вера Гамаюн
Евгений ЧеширКо
Анна Сергеевна Щербакова
Юлия Камильянова
Александр Снегирёв
Александр Гутин
Александр Бессонов
Жука Жукова
Сергей Тюнькин
Адиль Юлдашев
Ольга Замятина

Беспринципные чтения. Вишлист

Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005511

*Беспринципные чтения. Вишлист: сборник / А. Цыпкин, К. Хабенский,
А. Снегирёв и др.: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148143-8*

Аннотация

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН, КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ, АЛЕКСАНДР БЕССОНОВ, АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ, АЛЕКСАНДР МАЛЕНКОВ и еще 15 авторов представляют лучшие рассказы нового сезона фестиваля «Беспринципные чтения»!

«Ежегодный сборник – одно из главных достижений проекта „Беспринципные чтения“. В России огромное количество талантливых авторов, но не так много мест их встречи с читателями. Наш фестиваль и сборник именно таким местом и является».

Александр Цыпкин, писатель, сценарист

«Открытый общероссийский фестиваль „Беспринципные чтения“ – это единственный фестиваль, который поддерживает авторов из разных уголков страны. Фестиваль уже несколько

лет проходит в режиме офлайн во многих городах – и дает возможность различным писателям услышать свои произведения в исполнении актеров театра и кино».

Павел Дервянко, актер театра и кино

«Есть книги, которые заставляют работать мозг, есть тексты, которые заставляют генерировать адреналин. А есть „Беспринципные чтения“. Они для другого. Стать здоровее. Немного подлечиться от воздействия окружающей среды. Спасибо им за это. Спасибо уже за третий сборник литературного лекарства».

Александр Прокопович, автор и соведущий подкаста «Доктор текста», главный редактор «Астрель-СПб»

Содержание

Александр Цыпкин	7
Самокат судьбы[1]	7
Хейт	25
Александр Гутин	48
Любовь окаянная	48
Незнакомый голубь	55
Леденцы	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Беспринципные чтения. Вишлист (Сборник)

© Авторы, текст, 2020—2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Дизайн обложки: Анна Ксёиз

* * *

Александр Цыпкин

Самокат судьбы¹

– Здравствуйте, Вячеслав Маркович, спасибо, что нашли на меня время.

– На вас, пожалуй, не найдешь, – угрюмо усмехнулся Славик. – Да и Игорю Сергеевичу отказывать – дело неблагодарное.

– Согласен, Игорю Сергеевичу в этом городе никто не отказывает. Завидую я вам, Вячеслав Маркович! С детства под крылом такого человека. Все-таки ваш покойный отец, светлая ему память, умел выбирать друзей.

Славик внимательно оглядел собеседника: незаметный, обаятельный, беспощадный. Хорошо работает служба кадров в преторианско-лубянской гвардии. Волновался обманщик всея Москвы. Игорь Сергеевич, его могущественный покровитель, ничего Славику не объяснил, что случилось с ним чрезвычайно редко. Просто сообщил, что подопечному нужно встретиться с человеком из Конторы. Важным человеком. Занимающимся вопросами именно государственной безопасности. Славик был, конечно, редким мошенни-

¹ Из цикла историй про Славика.

ком, но устои государства вроде как не подпиливал, поэтому нервничал:

– Это точно, у папы был дар. Я весь к вашим услугам. Как мне к вам обращаться?

– Агент Смит, – хохотнул собеседник.

– Из Матрицы? – не заставил ждать с ответом Славик.

Собеседник внешне и правда напоминал Хьюго Уивинга, правда нынешнего, в возрасте.

– Именно, из Матрицы, из самой что ни на есть. Вы не поверите, моя фамилия и правда Кузнецов, вот коллеги и наградили. Ну, Кузнецов в переводе – Смит, понимаете юмор?

– Понимаю. И чем же я заинтересовал... Матрицу?

– Не заинтересовали. Практически поставили в тупик. А наша задача – из тупиков страну выводить. Я, как вы понимаете, про вашу исключительно тонкую работу на ниве коррупции. – Кузнецов говорил с улыбкой и даже с каким-то намеком на восхищение – но искусственное, чтобы Славик понял, что тот играет.

От этого понимания у Славика что-то низкочастотно завибрировало вокруг пупка.

– Мне казалось, Матрица не занимается такой мелкой рыбой, как я, вроде как по таким делам Следственный комитет, ОБЭП или кто там еще.

– Так это если рыба обычная, а вы какая-то рыба-мутант. Вы все соответствующие силовые структуры так взволновали, что нам сразу три сигнала пришло с просьбой о помощи.

Славику стало дурно. И это, вероятно, проступило на его лице, простимулировав дальнейшее лицедейство со стороны Кузнецова:

– Вячеслав Маркович, что это вы так побледнели? Рано еще.

– А поздно будет поздно...

– Не поспоришь. Ладно, давайте к сути. За семь месяцев у вас сорок восемь эпизодов. СОРОК ВОСЕМЬ. Дача взятки в особо мелких, мелких, средних, крупных и особо крупных размерах. Мы восхищены вашей всеядностью и демократичностью на грани неприхотливости, а еще больше восхищены диапазоном возможностей.

В вашем послужном списке и устройство в МГУ, и получение звания академика, и назначение на должность главного врача-инфекциониста в одном Богом забытом городе, но это все мелочи. Даже строительные тендеры в Москве не задели струн нашей души, но поставка оборудования в Министерство обороны, принятие поправок в Федеральный закон, попадание в базу Интерпола, а также, – Смит сложил руки в замок, – непопадание в американский санкционный список, победа в тендере министерства сельского хозяйства Индии и ускоренная регистрация лекарства в Европе – это уже высший пилотаж! Бурные овации! Да, признаем, что не все вам удалось, но даже попытка решения вопросов такого уровня возводит вас в ранг национального достояния, поэтому есть мнение, что... – Кузнецов взял паузу, как бы раздумывая над

метафорой: – Целесообразно взять вас под охрану, причем на много лет и подальше от Москвы. К примеру, в Мордовии есть чудесные места. И никакой Игорь Сергеевич вам не поможет. Кстати, знаете, как мои креативные подчиненные вас называют?

Поплывший Славик кое-как выдавил из себя:

– Как?

– Маркес.

– Почему?

– Сто лет одиночества: если вам сложить сроки по эпизодам, то как раз и будет. Но. Сегодня Прощеное воскресенье, и у вас есть шанс. – Сотрудник Матрицы вдруг вышел из образа водевильного актера и ледяным голосом озвучил условия сделки – Вы мне ВСЕ рассказываете в деталях, и тогда я готов рассмотреть варианты ближе, чем Мордовия. Господин Корн, повторюсь, мы реально в тупике. Четыре месяца тотального наблюдения и прослушки, и... мы до сих пор не понимаем, как вы их всех вербуете, как со всеми контактируете, как передаете деньги. Мы знаем вашу жизнь по секундам, весь даркнет на уши поставили – и ни одного следа! В каких вы мессенджерах общаетесь, какой криптовалютой пользуетесь? Хочу знать все! Я давно понял, что вы – или гений, или дьявол, или то и другое. А гении и дьяволы либо работают на Матрицу, либо... в Мордовии. Короче, я не шутил, когда говорил, что вы и правда угрожаете национальной безопасности. Мало ли кто из врагов воспользуется

вашими каналами? Так что у меня полномочия применить любые средства, чтобы развязать вам язык.

Закончил свою речь контрразведчик тем, что и вправду заказал язык с хреном. Славик оценил символизм, но ответил неожиданно:

– У вас есть детектор лжи?

– Не понял.

– Если я вам расскажу правду, вы не поверите. Поэтому мне было бы спокойнее сразу на детекторе.

– У меня встроенный. Рассказывайте.

– Это долгая история.

– Сто лет у нас есть.

В конце повествования товарищ Кузнецов даже моргать перестал. Излагаю тут кратко. Тезисно.

Отмечу, что результатом беседы стало попадание господина Корна на Лубянку и посвящение в тайны современной геополитики.

Но – обо всем по порядку.

К середине своей плутовской карьеры Славiku решительно надоело работать. Я понимаю, что к гению лжи и мошенничества это слово имеет далекое отношение, но трудиться или заниматься делом – подходит еще меньше. Так или иначе, Славик мечтал лежать на диване и чтобы за это платили деньги. Высшие силы его услышали. Не сказали о цене, да и вообще не предупредили о последствиях. Но если бы люди в принципе знали, за что и как придется платить, то, воз-

можно, думали бы чуть дольше, прежде чем совершить 99 % своих поступков.

Тем не менее Господь всемогущий по ведомым только ему причинам дал человечеству меню без указания стоимости, как это делают в очень дорогих ресторанах.

Как раз в дорогом ресторане Славик и сидел с одним из московских строительных чиновников, господином Д., с которым он познакомился пару недель назад за карточным столом. Еще в детстве Марк Иосифович объяснил сыну, что математику в школе учить надо исключительно ради игры в преферанс, а играть в преферанс нужно ради того, чтобы жать необходимые влиятельные руки. После знакомства Славик пригласил нового друга на обед.

На этом месте хотелось бы остановиться подробнее.

Что Славик умел делать блестяще – так это грамотно инвестировать в людей время и усилия. Он даже разработал некий протокол интеллигентной вербовки. Документ многостраничный, и я не хотел бы тратить время почтенной публики, но некоторые позиции озвучу, потому что именно за эти строки вы будете меня благодарить всю оставшуюся жизнь. Это пошаговая инструкция использования людей с наивысшим КПД.

Пункт 1. После знакомства с человеком, который, по мнению Славика, обладал потенциальной ценностью, он начал регулярно проводить с ним встречи в формате дружеской беседы, не предполагающей никаких дел. Казалось бы,

бессмысленная болтовня...

Нет. Славик интересовался человеком. Именно интересовался, и именно человеком. Искренне. Не позицией и возможностями, а личностью: судьбой, мыслями, пороками, добродетелями, мечтами, суждениями, мировосприятием и так далее – до детских травм и любовных переживаний. Поверхностный плут, когда надо, превращался в шахтера человеческой души. И чем влиятельнее был ее (души) обладатель, тем дольше Славик не выходил из забоя.

В первые месяцы после знакомства у очередного нового приятеля Славика складывалось ощущение, что никто и никогда не слушал его ранее так увлеченно.

Пункт 2. Если у объекта вербовки случалась какая-то проблема, Славик делал все возможное для ее решения. Точнее, он создавал иллюзию полного участия, так как реальной помощи от него обычно никто и не ожидал в силу собственных возможностей самого человека.

Нам ведь нужна не помощь, а равнодушие. Нам хочется надеяться, что хоть кому-то небезразличны наши тревоги. И если волнуется за нас тот, кто не обязан это делать по дружеско-родственным мотивам, то мы начинаем верить в самое светлое в этом мире.

Пункт 3. Еще эффективнее Славик умел предоставить себя в качестве конфиденанта в случае сердечных травм. Он считал удачей, когда знакомство с потенциальным «активом» происходило в период развода, бурного романа, а лучше –

того и другого одновременно. Славик моментально превращался в смесь раввина, гештальт-терапевта, бармена-собутельника и адвоката, знающего, что ты убийца, но готового защищать тебя до последней возможности.

Но даже эта уловка являлась прелюдией. Вишенкой на вербовочном торте служили просьбы Славика дать ему самому мудрый совет, как поступать в той или иной жизненной ситуации. Повторюсь: не помочь делом, а оказать душевно-интеллектуальную поддержку старшего товарища.

Наше тщеславие расцветает, как сирень весной, если кому-то вдруг оказываются необходимы наш житейский опыт и проницательность. Каждый хочет примерить образ гуру.

В итоге через два-три месяца такого интенсива самый закрытый и подозрительный человек снимал с души сигнализацию. Тем более Славик никогда не обращался с меркантильными просьбами на этом этапе внедрения. Скорее сам, как я уже сказал, оказывался полезным. Связи-то у него были серьезные и в самых неожиданных социальных кругах.

На дне рождения у Вячеслава Марковича Корна за одним столом могли оказаться руководители морга, цирка, партии, школы, госкорпорации, театра, бассейна, экологической организации, ветеринарной клиники и сообщества магов – и это дальний от сцены стол!

Так что мог он помочь в весьма неожиданных ситуациях одним звонком. И только через полгода, а то и через год Славик начинал разговор, предполагавший просьбу о каком-то

реальном содействии ему самому.

К этому времени чувство благодарности и личной симпатии настолько переполняло Объект, что Славик мог лишь обмолвиться о вопросе, как ему уже протягивали руку помощи.

В тот момент, с которого мы начали историю, Славик находился на первом этапе разведоперации и поэтому внимательно слушал жалобу господина Д. на превратности полигамии в моногамном эгрегоре.

Болтали они на ресторанной веранде, и Славик вдруг увидел проходящего мимо застройщика средней руки и больших амбиций Виктора Дятлова-Заволжского. Точнее, все случилось не так: Дятлов-Заволжский увидел Славика, мило, можно сказать по-родственному, беседовавшего с известным своей недоступностью чиновником. Чиновником, от которого в жизни человека с такой перспективной фамилией, как Дятлов-Заволжский, зависело все.

Вечером девелопер примчал к Славику домой:

– Ты что, его хорошо знаешь?!

– Я много кого знаю, – ответил Славик загадочно.

– Слава, я тебя умоляю, он принимает решение по одному моему проекту, там подряд на очень большую сумму... и этой большой суммой я готов поделиться!

– Слушай, сейчас другие времена, за коррупцию сажают, как детей на карусель.

– Славик, ну ты же знаешь все про наши карусели. Они

избирательны.

– Да что-то неразборчивыми стали.

– Короче, я тебе справочку вот эту оставлю, ты ее в личной беседе как-то презентуй... ну и вот эту цифру покажи.

Дятлов-Заволжский набрал в телефонном калькуляторе сумму.

– Двадцать процентов от нее твои, восемьдесят – его.

– Тридцать, – автоматически скорректировал Славик. – И я ничего не обещаю.

Дятлов-Заволжский радостно согласился:

– Кто же, Славик, в нашем мире обещания дает, вектор принят – и уже тепло становится. Тендер двадцать восьмого, через две недели. Раньше даже звонить не буду, от греха.

Славик начал думать, как лучше всего выйти на такой разговор с господином Д., с учетом того, что вербовку он начал не так давно, и с этой точки зрения, Объект был недоношенным. Рано его было активировать. В этих размышлениях Славик лег спать и... вспомнил о Дятлове-Заволжском в следующий раз именно двадцать восьмого.

Он потом даже пытался проанализировать этот странный провал в памяти, но не смог. И решил, что в этом-то и состояло Божественное провидение.

Славик лежал с нимфой по имени Милана и радовался жизни, когда увидел входящий от Дятлова-Заволжского. Вспомнил о его просьбе и чуть не свалился с кровати:

– Твою мать! Дятел!

– Где?! – поджав под себя колени, взвизгнула девица.

– Да не птица! Я забыл тут кое-что сделать для человека.

– Что именно? – скорее всего, от безделья поинтересовалась любовница.

А вот зачем Славик ей рассказал, уже не так объяснимо, как и многое в этой истории.

– То есть ты обещал попробовать решить вопрос с тендером и забыл, а тендер сегодня?

– Не совсем так. Короче, сегодня результат объявят.

– А ты знаешь результат? – уточнила Милана.

– Конечно нет! – раздраженно ответил Славик, который не понимал такой неожиданной заинтересованности не самой далекой, как ему казалось, девицы.

– А чего ты, Славик, волнуешься? Если твой этот Дятел не пройдет, скажешь, что не получилось, а если пройдет, то возьмешь деньги себе. Тебе же чек не нужно предоставлять, а с чиновником твоим Дятел незнаком, да и не будет он спрашивать. У нас так один придурок помогал друзьям с Кавказа экзамены сдавать. Деньги брал, а дальше ждал. Тем, кто не сдавал, просто возвращал. А остальные сами проскакивали.

– И долго он так продержался? – Славик впервые посмотрел на Милану как на источник интересной информации.

– Пару лет, пока жадность не сгубила, и он тупо не начал всех шантажировать, включая отличников. Да этой схеме сто лет. У меня приятель-юрист говорил, что у них это называется «самокат». Я чуть ли не в кино смотрела или читала где-

то. Вот увидишь, тебе Дятел твой ноги целовать будет, а ты мне сейчас – за идею, давай, Славик...

Не успел Славик выполнить требование, как ему пришло в «Телеграме» от Дятла:

– Славик, звонил сказать, что ты – бог! Спасибо! Не ожидал, что получится! Жду встречи!

А дальше события начали развиваться стремительно. Дятел привел еще парочку людей, да и старые знакомые вдруг оживились с просьбами. Сарафан заработал.

И ранее отказывавший тем, кому не мог помочь, Славик стал героем фильма «Всегда говори – да». Где-то в тридцати процентах случаев Славик разводил руками и возвращал деньги, но ему вполне хватало семидесяти. Славик даже стал гордиться эффективностью отечественной системы народного и прочего хозяйства: все худо-бедно двигалось самостоятельно. Возможно, удивившийся и даже испугавшийся собственной наглости ложный взяточник так убедительно говорил просителям о необходимости идеальной подготовки проектов, что люди начинали, наконец, работать сами. Однако в ряде случаев ничем, кроме какого-то неземного везения, объяснить успех всей этой фальсификации было нельзя.

Повторюсь, более всего на репутацию Славика работал факт возврата им взяток в случае неудачи. Сначала он по глупости говорил, что деньги будут нужны только после положительного решения. Но со временем понял простую истину. Психология нашего человека такова, что получение де-

нег назад действует паралитически. Ему кажется, что он их заработал. Поэтому в ряде случаев Славик придумывал достаточно сложные схемы (помимо классических наличных) для вывода, а затем и для возврата средств. Иногда он намеренно тянул, и получавший наконец свою мзду назад считал мошенника последним честным человеком в стране МММ и «Властилины».

Также клиента Славика согревало подтверждение того факта, что он сделал все возможное для реализации своего проекта, а остальное – воля Божья.

Россиянин принимает кармические отказы стоически только в том случае, если он попробовал карму подкупить. А уж если карма еще и деньги возвращала, значит, высшее решение таково без всяких сомнений.

Вячеслав Маркович Корн дарил счастье всем. Без исключения.

Все это Славик рассказал, как мы уже знаем, переставшему моргать товарищу Кузнецову.

– Так что взятки я никому не давал, меня даже не за что особо арестовывать, – с некой наивностью и надеждой заключил креативный коррупционер.

Плотно засевавший в своих мыслях силовик ответил – как бы вторым планом:

– С этим у нас никогда проблем не было.

После этой фразы Агент Смит встал, сказал «До свидания», что в случае с таким человеком всегда наполнено осо-

бым смыслом, – и вышел, оставив Славика в боязливом недоумении.

Где-то неделю никаких сигналов не поступало. Славик, разумеется, остановил свое Поле чудес и терапевтически созванивался каждый день с Игорем Сергеевичем.

– Может, я чего не понял? – спрашивал он осторожно.

– Вячеслав Маркович, вызвавшая вас организация умеет, когда надо, объяснять свои желания предельно доходчиво. Ждите.

Славик дождался. Символично, что он опять веселился с Миланой, когда на экране его телефона вдруг появилось:

«Завтра просьба подойти к нам в головной офис к 10.00. Адрес, думаю, знаете. Смит. Милане привет».

Мурашки сбежали со Славика не из-за привета Милане, а потому, что телефон был выключен. Буквы продержались на черном экране какое-то время и исчезли.

В 10.05 следующего дня Славик вошел в просторный кабинет, еще не зная, куда он из него выйдет. Кузнецов жестом предложил ему сесть.

Стол украшали два бюста: Дзержинского и Агента Смита.

– Вячеслав Маркович, самое главное в нашей работе – знаете что?

– Что?

– Благодарность. Не надо останавливать карусель добрых дел.

От слова «карусель» Славик скривился.

– Вот хочу вам выразить благодарность, точнее, две благодарности, даже бюст Смита подарю, а он с подписью одного из Вачовски, кстати, еще до перехода его на темную сторону, до операции в смысле, – нетолерантно пошутил Кузнецов.

– Теряюсь в догадках, за что вы меня хотите поблагодарить.

– Во-первых, вы помогли нам вскрыть одну схему в собственных рядах... а потом применить ее же, но на благо отечества.

– Если я спрошу о подробностях, – осторожно полюбопытствовал Славик, – я смогу отсюда выйти?

– Сможете. Некоторые из завербованных нами агентов, как оказалось, действовали по вашей схеме. То есть брали деньги за то, чтобы повлиять на какие-нибудь выборы в нужной нам стране, и спокойно ждали, как оно все само выкрутится. Да что там выборы – мы так радостно проплатили один госпереворот, а человек на Мальдивах у телевизора сидел. А ваш рассказ нам глаза раскрыл. Ну а потом мы с товарищами посоветовались и решили, а почему бы самим этим вашим «знаю-как» не воспользоваться?

– Чем не воспользоваться?

– «Знаю-как»! Не любим мы все эти ваши англицизмы, поэтому в этих стенах «ноу-хау» говорить запрещено.

– Поддерживаю вас в этом... но простите, а вы сами-то как мое изобретение использовать решили?

– Видите ли, Вячеслав Маркович... к нам как к супердер-

жаве, – Смит важно посмотрел на портрет на стене, – иногда обращаются страны поменьше для решения некоторых вопросов с другими странами или международными организациями. Возмездно, разумеется. Ну мы и решили, а почему бы не пойти вашим путем? Мир полон турбулентности, все стало непредсказуемым, а деньги бюджету не помешают. Вот стремимся к вашим отчетным показателям эффективности, правда, семидесяти процентов пока не достигли. Болтаемся на пятидесяти, но мы вас перегоним, уж будьте уверены, – контрразведчик с улыбкой погрозил пальцем.

Славик переводил взгляд с бюста Агента Смита на бюст Дзержинского и начал осознать, что имели в виду братья, тьфу, сестры Вачовски. Прозревая, Славик не упускал детали:

– Простите, а вы и деньги возвращаете?

– Я по образованию инженер и вот что скажу: технологию нельзя нарушать, это плохая закономерность.

– Чего? – После «знаю-как» Славик слушал особенно внимательно, но все равно завис.

Кузнецов даже как-то разочаровался в собеседнике:

– Чего-чего... Плохая закономерность – так мы перевели «бэд карма». В общем, вот вам бюст и наилучшие пожелания. Вопросы?

– Два.

– Хоть три.

– Кто меня сдал?

– Дятел, разумеется. С такой фамилией и не стучать – грешно. Но вы его не судите строго, он сам так влип, что вломил всех, кого мог, поэтому и отпустили его пока. Вы там пятым в списке шли, мы вообще случайно вас взяли в разработку, уж больно красиво вы женщин разводите. Ваши разговоры мы студентам-вербовщикам послушать ставим – в качестве учебного пособия. Не обижайтесь. И еще. Мы уже по своим причинам сдали вас Дятлу. Он очень расстроился, когда узнал, что вы его шесть раз обули как школьника. Второй-то вопрос какой?

– Я так понимаю, схему вы себе мою забрали со всеми правами?

Агент Смит просиял, как будто ждал такого вопроса. Водевильность вернулась в разговор:

– Именно так! Начнем с того, что схема-то народная. Но вы можете продолжать работать по нашей лицензии – за процент. За небольшой. Будете его перечислять в Фонд поддержки ветеранов сцены. И надеюсь на вашу порядочность, перепроверять вас не хотелось бы.

– Почему именно туда?

– Плюсик. В закономерность. Как вам такой ответ?

– Вполне, – мрачно заметил Славик.

– И все-таки уберите из вашего меню армию и геополитику, плохая закономерность, – еще раз зафиксировал свое увлечение буддизмом представитель Матрицы.

Через пару недель к Славiku неожиданно заявился Дят-

лов-Заволжский:

– Слава, я, во-первых, хотел извиниться. Но меня так прижали, что не до порядочности было.

– А во-вторых? – Славик был ожидаемо зол.

– Ты только не смейся. У меня тут один тендер будет...

Славик подумал, что Кузнецов зачем-то наврал ему про то, что слил Дятлу схему, но тот его удивил:

– Я знаю, что ты деньги никому не носил, но ты пойми, – Дятел боязливо огляделся по сторонам, – с тех пор как с тобой не работаю, у меня ни одно дело не выгорает. У тебя какая-то особая энергетика, поле. Я тут с одним магом советовался, и он мне сказал, что у тебя в руках... – Дятел перешел на шепот: – Нити судьбы. Я не понял, о чем он, но, короче, вот тебе за будущий тендер. Меньше, чем обычно, конечно, на обычный подогрев надо оставить, я еще в другом месте подстрахуюсь, но, если пройду, деньги твои, и не спорь.

Тендер Дятел выиграл. Рассказал друзьям. Очередь к Славику выстроилась даже из тех, кто на дух не переносил коррупцию. Процент от этих денег Славик перевел в Фонд ветеранов сцены.

А еще Вячеслав Маркович Корн стал особенно следить за международными новостями и иногда загадочно улыбался, кивая. Также он задумался о политической карьере.

Хейт

Врач-реаниматолог вышел в коридор, в котором сидела абсолютно безжизненная София Истомина, акционер крупного холдинга с состоянием в пару сотен миллионов долларов, которая была готова отдать их все за то, чтобы услышать от доктора нужные слова.

Услышала:

– Вытащили. Жить будет, Софья Алексеевна, но вы понимаете, что попытка суицида в тринадцать лет на ровном месте не происходит, надо разбираться.

Соня холодно сказала:

– Я разберусь. Аркадий Борисович, я вам пожизненно должна. Приеду на следующей неделе, и вы поймете, что это значит. Можно я к дочери зайду?

– Давайте через часа три, хорошо?

– Да, конечно, я пока разбираться начну и вернусь.

– Удачи вам, – сказал доктор.

Судя по всему, он понимал, что означало слово «разберусь».

Соня удивилась, что невероятное счастье, которое водопадом обрушилось на нее после новости о живой дочери, так же мгновенно заместилось неумолимым желанием устроить ветхозаветную месть всем, кто довел Майю до этого шага. Энергия быстро меняет свой знак, оставаясь в том же потен-

циале.

Она вышла из больницы и села на скамейке рядом с зареванной девочкой, которая, боясь поднять глаза, дрожащими губами прошептала:

– Она будет жить?!

Еле сдерживая желание соврать и раздавить детскую психику, Соня спросила:

– А что бы ты делала, если бы нет? Вот что бы ты делала, Оль?

– Я не знаю... Простите, простите, пожалуйста... – потерянными голосом ответила Оля.

– Простите, простите... – Соня вздохнула: – Вот скажи мне, ты же ее подруга, ты же у нас дома сколько раз была, зачем... ты-то зачем?

Стыд выдается нам как предустановленная опция, но с возрастом мы достаточно редко обновляем это приложение и теряем его, а у детей он есть. Оле было стыдно, и она сказала правду, еле сдерживая слезы:

– Не хотела, чтобы меня, как ее... А у нас же в классе либо ты травишь, либо тебя.

– То есть не только Майю травили? – преображаясь в следователя по особо важным делам, акцентированно уточнила Соня.

– Нет, конечно, многих. Если ты попала, то все.

– А кто попасть может?

Оля наконец посмотрела матери своей подруги в глаза:

– Кто угодно. И не важно, красивая или уродина, богатая или бедная. Особенно если тебя парни наши некоторые не любят. Каждый день приходишь и не знаешь, что будет. Поэтому, когда сейчас Майю начали хейтить после «Клеветника» и меня спросили, чего я молчу, я... испугалась. Я просто испугалась.

– Понятно. А по Майе – все с «Клеветника» началось?

Соня предполагала, что школьники не сами запустили волну, и нашла теперь подтверждение. На популярном хейтерском ресурсе «Клеветник» ей уделяли особое внимание. Там были целые разделы, посвященные ее личной жизни, наследству отца и купленной дружбе с модными персонажами столицы. Оля тем временем продолжила давать показания:

– Да, все началось с тех блогов, в которых над Майиным видосом поиздевались... Кто-то из школы их запостил у себя, ну и все начали... и я... А для нее это, наверное, как последняя капля. Ее же с начала года травят. Кто-то ей даже сказал, что ей лучше сдохнуть по-тихому.

– Повтори.

– Сказали, ей лучше сдохнуть по-тихому.

У Сони свело лицо:

– Она мне ничего не говорила.

Оля потихоньку приходила в себя – и поэтому отвечала уже с намеком на обвинения:

– А сейчас никто не рассказывает. А родители не спрашивают. Мы боимся, что вы устроите разборку и нас совсем

захейтят за то, что стучим, да к тому же что вы можете сделать... Как вы нас защитите? Да вы поэтому и не задаете вопросы. Вы такие же трусы.

Через час Соня была в офисе у любовника юности Владислава, который выжил в нелегкие годы становления российского капитализма, – но выжил исключительно ценою того, что это не получилось сделать его противникам. В возрасте двадцати трех лет он принял нелегкое для сына хороших родителей решение – убивать тех, кто угрожает убить тебя, до того, как они начнут воплощать планы в жизнь. То есть не ждать, пока появится уголовно ненаказуемая причина для ответных действий. Ну а потом... он начал себя убеждать, что тот или иной конкурент ему опасен, а затем и вовсе перестал искать объяснения для решительных действий.

Владика Соня никогда не осуждала, но и к услугам не прибегала. Инстинктивно, наверное, продолжала дружить. Время бандитов в России не пройдет никогда. Разве что возьмет паузу.

– Владик, я тебя никогда ни о чем не просила, а сейчас прошу. Мне нужно людей наказать.

Владик сразу же оживился:

– Ох ты, не прошло и двадцати лет. А я всегда тебе говорил, что насилие в России – это вопрос ситуации, а не морали. Рассказывай.

– Майю затравили на одном сайте, она наглotalась таблеток. Еле откачали.

Владик выжил благодаря тому, что был лишен любых рефлексий. Поэтому, поняв, что ребенок цел, перешел к делу:

– Кто, как и за что затравил?

– Кто, не знаю. Анонимные какие-то скоты, знаю только ники. Как затравили? Толстая, страшная, тупая, мама все купила... Она выложила видео, как поет, ну и началось. А за что? Ну, думаю, за меня. А потом в школе подхватили. Непохоже на одноклассниц, слишком взрослые тексты в постах были, видимо, заказуха какая-то. Я хочу найти этих анонимов, вытрясти, кто заказчик, и наказать.

– Насколько серьезно наказать хочешь? – Вопрос он этот задал так, как официант интересуется у клиента о предпочитаемых винах.

– Жестоко.

– Обожаю тебя такой. – Владик с восхищением посмотрел на женщину, которую удержать он так и не смог. – Грех готова на душу взять?

Он не был религиозным, но решил, что Соня откажется, если он спросит прямым текстом, а ему не хотелось, чтобы она вдруг пошла на попятную. Большие войны временно утихли, а охоты на оленей Владiku было мало. Хотелось на людей, как в юности. Очень хотелось.

Соня это почувствовала: она и ушла от Владика потому, что в глубине души боялась его таким, с адским огнем в глазах. В какой-то момент ей показалось, что он постарел и стал веганом, но теперь, когда она увидела, как он с нетерпением

смотрел на нее в ожидании санкции на высшие меры, поняла: есть мясо, вкус которого невозможно забыть. Ей даже самой вдруг захотелось его попробовать. Она ответила вопросом, из которого все стало ясно:

– Готова ли? А ты бы не был готов?

Владик улыбнулся:

– Как скажешь. Бюджет волнует?

Соня посмотрела на шиншиллу в маленьком вольере и ответила:

– Нет. Я тебе доверяю.

Скорее из любопытства Владик уточнил:

– Сонь, а почему ты раньше меня не дернула? Может, прижали бы всех, и Майю не довели бы?

– Потому что я дура. И херова мать. Я просто не знала, что ее травят.

– Вот поэтому у меня дети на полной прослушке и просмотре.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– А они в курсе?

– Нет, зачем? Потом на тридцатилетие подарю им архив их чатов. Мне кажется, крутой подарок.

Где-то через пару дней в «Вотсапе» состоялась такая переписка двух москвичек:

– Ты видела?!

– Что?

– На «Клеветнике» в блогах вот такое висит: «Кто хочет легко заработать? Нужны все личные данные про авторов, пишущих под никами: Мелисса007, MissAmerica, ZlayaSobaka, LasTvegas.

Информацию присылать по адресу: zabota5861975@rambler.ru. В случае подтверждения информации вознаграждение – 500 000 рублей. Анонимность гарантирую».

– Черт! Что это?!

– Не знаю!

– Не вздумай слить меня!

– Ты что! Я уже написала их админу, чтобы сняли.

– А он?

– Ответил, что ему начальник сказал не трогать пост пару часов.

– Может, в полицию обратиться?!

– На хер пошлют. Да не ссы. Думаю, розыгрыш чей-то.

– Мне страшно, если честно.

Владик кормил шиншиллу, когда в кабинет вошел его безопасник:

– Владислав Александрович, всех нашли.

– Быстро вы.

– А чего там искать – либо друг друга слили, либо ребята с «Клеветника» помогли, айпи дали. Отблагодарим?

– Отблагодарим. На «Клеветнике», конечно, конченные упыри работают. Сначала на этих дебилах деньги зарабатывают, а потом сливают за три копейки.

– А чего, нормальные драгдилеры так и поступают.

– Нас-то не сольют, Ром?

– Обижаете, Владислав Александрович. Нас так просто не найдешь.

– Молодец.

– Я, в общем, сейчас пробью, кто там кто, посмотрим за ними, пощупаем, и можно в гости ехать, если там не волшебники какие-то окажутся.

На первую встречу они поехали втроем: Соня, Владик и один из его бойцов. Вышли из затонированного микроавтобуса и пошли по чавкающей осенней жиже к обшарпанной советской высотке.

– Это что за район-то, что за гетто?

Владик усмехнулся и показал на автостраду вдаль:

– Да ты это гетто каждый день пролетаешь со свистом, это же дорога к тебе за город. Ближе надо быть к людям.

Соня проезд оценила:

– Кто бы говорил. Прямо так пойдем?

– Да, там ни камер, ни охраны. Мы же поговорить. – Владик усмехнулся.

– А она дома?

– Пришла недавно.

– И как войдем? Не откроет же.

– У нас свои ключи.

– От всех дверей?

– Почти от всех, Сонечка.

Подъезд и правда был без намека на домофон. Они открыли дверь и сразу ощутили затхлый запах безысходности.

– Морг какой-то. Этаж?

– Тринадцатый, лифт не работает и не заработает уже, думаю, никогда.

– Ну ничего, фитнес.

– Вот в этом все и дело, – хмыкнул бандит.

– В чем?

– Для тебя это фитнес, а для них – жизнь.

Через пять этажей они остановились. Соня запыхалась:

– Надо, конечно, возвращаться на спорт. Привал. Дайте дух перевести.

Владик дал ей бутылочку воды:

– Мы такие же старые, как этот дом. Попей.

Соня отдышалась и вдруг азартно крикнула:

– Ну что, мальчики, кто со мной бегом наверх? Посмотрим, кто тут старый.

Соня полетела по этажам и неожиданно наткнулась на двух крепких парней, сидящих на ступеньках.

– О, смотри какая чика козырная, в шубе. Слышь, шалава, ты чего здесь делаешь? На работу приехала?

Соня дала знак поднимающимся Владу и его телохрани-

телю, которые находились еще вне зоны видимости местных королей лестницы. Влад понял замысел и остановился. Соня кокетливо сказала:

- Вроде того, дашь пройти?
- Дам пройти, если нам дашь.
- Ну если деньги есть, почему нет.

Второй гопник вступил в разговор:

– У тебя сегодня плохой день, поработать придется бесплатно. Да и шуба на тебе лишняя.

На этой фразе он достал нож. Соня равнодушно на него посмотрела:

– Чего, прямо так из-за шубы порежешь?

– Почему только из-за шубы, у меня на тебя планы. Пошли в хату.

Соня кивнула Владу, тот мгновенно появился рядом и навел на обалдевшего молодчика пистолет с глушителем:

– На пол оба.

Парни вжались в бетон на площадке мусоропровода.

– Ну что, как насчет работы?

София взяла нож, вспорола ширинку болтливому нового знакомого, приложила лезвие к самому дорогому и стала понемногу надавливать.

– А если тебе член отрежу, ты чем со мной работать будешь?

В ответ прозвучало дрожащее:

– Извините, пожалуйста, не надо! Мы просто пошутили.

Соня вдруг отдернула руку, как будто наткнулась на паука:

– Твою мать, он обоссался!

Владик не сдержался:

– Ну что за парни пошли, а!

Соня почти визжала и трясла рукой:

– Дай мне срочно воду!

Влад дал ей бутылку и сильно ударил ногой в лицо виновника Сониного дискомфорта. Раздался неприятный хруст, и на бетон потекла кровь.

– Да что из тебя все течет-то, утырок, – разозлился Влад.

В этот момент скрипнула дверь, и на лестнице появилась бабка с мусорным пакетом, она спустилась к мусоропроводу, переступила через ноги лежащих, выкинула отходы и поковыляла назад, как будто вообще ничего не случилось. Влад на всякий случай подстраховался:

– Бабуль, мы из полиции, наркоманов ловим.

Бабка, не поворачиваясь, буркнула:

– А чего их ловить, их расстреливать надо, – и ушла в свой мир.

Владик согласился:

– Слышали, уроды? Народ просит вас расстрелять, не вижу причин ему отказывать.

– Пожалуйста, не надо!

– Короче, бабка теперь на вас, тимуровцами будете, через неделю проверю. Узнаю, что не заботитесь, найду, отрежу

твою писалку и шиншилле скормлю. Пошли вон отсюда.

Оба рванули вниз. Соня изумилась:

– Ты чем ее кормишь?!

– Да не знают они, что такое шиншилла, а звучит пугающе. Кстати, тут небольшой подгончик от нас. Забыл тебе рассказать, а этот урод напомнил. Одноклассника Майи, который больше всех ее мочил и вообще заводным был, опустили при всех.

– В каком смысле? – Соня остановилась.

– В прямом, считай. У меня отмороженный региональный молодняк стажирuется, они его прямо у школы отхерачили и послали на него при друзьях. Думаю, он сам из школы теперь уйдет. С таким не прожить.

– Владик, зачем?! Я тебя не просила! Он же ребенок!

– Ой, прости, не заметил, что он ребенок. Пусть привыкает. И потом, я не по твоей просьбе, я от себя. Поверь, сейчас у них в классе резко поубавится желающих косорезить, а может, и во всей школе. Все же догнали, что ему обраточка прилетела. Сонь, либо мы их, либо они нас. Ты разве на лестнице сейчас это не поняла?

Соня промолчала, потому что вдруг почувствовала себя мамой того мальчика. Как раз в этот момент они наконец дошли до нужной квартиры. Охранник открыл своим ключом, и они тихо вошли в крохотную, замызганную прихожую. Услышали, как мужской голос резко выговаривает:

– Я тебе, сука, устрою! Просто суши поели вместе!

Владик резко открыл дверь, охранник навел пистолет на парня, который как раз замахнулся на сидящую на разваливающемся диване субтильную девушку лет двадцати пяти с каким-то то ли шрамом, то ли дефектом на щеке.

– Привет. Не помешали?

Катя посмотрела на Соню, и стало все понятно.

– Я вижу, ты меня узнала? – Соня стала искать, куда присесть, и облокотилась на стол.

– Вы кто? Катя, кто это? – переводя взгляд с пистолета на Соню, спросил потерявший немного уверенность в своих силах Катин бойфренд.

Владик начал доставать из небольшой сумки скальпель, шприц и какую-то колбочку с красной жидкостью.

– Тебя как зовут?

– Степан.

– Разин?

– Чего?

– Да ничего, в школе надо было лучше учиться. Катя тут провинилась немного, мы ее накажем. Если это твоя телка – оставайся, впишешься за нее. А мы рассмотрим.

Владик разложил нехитрый набор на столе и предложил сделку:

– Ну а если не твоя и ты случайно зашел, то можешь идти.

Катя со страхом и надеждой посмотрела на Степана, который принял решение неожиданно быстро:

– Я случайно зашел. Она мне никто.

– Вот молодец, Степан. Ну ее, красавицу, за борт, да? Хотя ты все равно не поймешь. Иди, только можно твою руку на секунду?

Охранник сильно ударил в живот привставшего парня и вложил ему в руку пистолет. А Владик озвучил послание:

– Смотри, малой, слово кому скажешь, ствол с твоими пальцами у ментов будет, а на нем три трупа висят, и я уж постараюсь, чтобы тебя в камеру посадили, а там к тебе придут и по кускам язык отрежут. Ты мне веришь?

– Верю, – прокряхтел лозящий дыхание Степан.

– Ты ничего не видел. К Кате заходил – ее дома не было. Понял?

– Понял.

– И да: мы все про тебя знаем, мама – Зинаида Александровна, папа – Павел Викторович, побереги их здоровье тоже. Вали.

Степа проковылял к двери, пока охранник уложил пистолет в полиэтиленовый пакет и достал из сумки колонку, а Владислав, улыбаясь, обратился к Кате, которая не ревела только потому, что ее парализовал страх:

– Ну что, Катя, парня у тебя больше нет. Мама, я так понимаю, далеко, папы тоже нет, он же тебя бросил в детстве, да? Слила тебя подруга. За деньги, кстати. Как у тебя с настроением?

– Что вы хотите? Я ни в чем не виновата, – практически прошептала Катя своими тонкими потрескавшимися губа-

ми.

Соня привстала:

– Лично я хочу тебя пристрелить как собаку, но мне нужна информация, кто тебе заказал Майю травить. Скажешь – жива останешься. Не скажешь: твой парень бывший станет Чикатило – мы такое тут с тобой сделаем...

– В смысле кто Майю заказал?!

– Алик, заткни ей рот. И включи музыку, – приказал Влад своему бойцу.

Бандит привычным уже жестом ткнул Катю в живот, засунул в рот кляп и связал скотчем руки, бросил на кровать, придавил коленом и начал искать музыку в телефоне. Неожиданно на всю квартирку заиграла песня «Маленькая страна» Наташи Королевой. Соня с вопросом посмотрела на гориллоподобного Алика, который, извиняясь, промычал:

– А мне нравится.

Владик тем временем наполнил шприц красной жидкостью и поднес к глазу Кати.

– Смотри, Катечка, я сейчас тебе брызну в глаз, и он растворится, только очень больно будет. Очень. Может, ты вспомнишь, кто такая Майя и кто тебе ее травить заказал?

Катя отчаянно закивала. Алик вынул кляп.

– Майю травила я, просто так, мне ее никто не заказывал! Честное слово!

– Какая преданность. Не сдает начальство. Ты сутками на этом «Клеветнике» сидела! Просто так, что ли? Бесплатно?

– Дааааа!

– Не убедила!

Владислав поднес шприц к глазу, который и так был готов уже выскочить из орбиты.

Катя закричала:

– Я правду говорю!!

Соня взяла Влада за руку:

– Подожди, похоже, правду говорит. Катя, а за что ты ее травила?

Катя, не отрывая глаз от шприца, стала быстро отвечать:

– Просто так, просто так, честное слово. У нее все есть... а у меня нет и не будет... я каждый день ее «Инстаграм» смотрю... и ваш тоже. Она спела, ну я и написала, знала же, что вам больно будет. Просто хотелось, чтобы вам было больно, понимаете! Хоть немного!

– Ненавидишь меня?

– Ненавижу. Всех вас! – В голосе Кати прозвучала даже какая-то вызывающая симпатию Влада отвага.

Соня присела на диван и сказала ему:

– Развяжи ее. Не хочу в связанную стрелять. И дай ствол, а ты, Алик, музыку сделай потише, а то я точно застрелюсь.

Владик разрезал скотч, передал Соне пистолет, та поставила его ко лбу Кати. Алик обиженно убавил звук. Соня вдруг ощутила зуд в руке, посмотрела на Владика и подумала, что теперь она знает о самой тяжелой зависимости, доступной человеку. Убрала от греха палец со спускового

крючка:

– Странная ты. Тебя отец бросил, парень предал и подруга продала, а ненавидишь ты меня и Майю, которых вообще не знаешь.

– Их я тоже ненавижу. Особенно Степу, сука трусливая.

– Разумно. А еще вот скажи, ты же половину своей жизни на этом гребаном «Клеветнике» проводила? Зачем?

– А где мне ее проводить? Вот в этом всем?

– Ладно, я тебе верю. Ты жить хочешь?

– Хочу.

– Записывай видео.

– Какое?

– Бери телефон и делай видео так, чтобы было видно твою квартиру и лицо твое. Я – Катя Рябкина, ник Melissa007, я травила Майю Истомину потому, что я ей завидовала. Простите меня, пожалуйста. Записывай и выкладывай на «Клеветник» прямо сейчас.

– Я не могу... вы что... я не могу... Меня же...

– Владик, сможешь убедить?

Владислав поднял шприц.

– Не надо, прошу вас! Хорошо, я все сделаю!!

Катя убрала слезу и записала видео. Соня дождала:

– Выкладывай.

– Пожалуйста, только не на «Клеветнике».

Соня отрицательно покачала головой. Катя нажала кнопку «разместить». Уже через пять минут посыпались коммен-

тарии: «Дура; сдохни, тварь; сука; уродина...» и все в таком духе.

Довольная Соня приобняла Катю:

– Ну что? Ты теперь там звезда, покруче Майи будешь, поймешь, каково это. Забавно, что тебя теперь травят те же, кто травил ее. Надеюсь, тебе сейчас хорошо. Не хочешь почитать?

Катя помотала головой.

– А я хочу! Читай, тварь.

Соня ткнула экраном Кате прямо в лицо. Увидев, что комменты дошли до адресата, Соня забрала телефон:

– Ты, наверное, думаешь, что всю жизнь проживешь в этом гнилье и сдохнешь здесь же?

– А разве нет?

– Но ведь это ты так думаешь, это не я тебе об этом говорю и даже не я в этом виновата.

– А кто? Кто виноват, что я родилась у своих родителей, а Майя у вас?!

– Наверное, мы с Майей. Слушай, ты вот сказала, что больно мне хотела сделать, но коммент – это не больно. Я тебе сейчас шанс дам по-настоящему зажечь.

– Вы о чем?

Соня вложила Кате пистолет в руку:

– Ну, если ты реально мне больно хотела сделать, на – стреляй, стреляй!

Влад выхватил у Алика пистолет и навел на Катю:

– Соня, ты чего делаешь?! Катя, бросай ствол.

– Стоять! Грохнет меня, не трогай, пусть живет. Я здесь заказчик. Ну, давай. Вот ты меня ненавидишь. Вот она – я. Давай! Стреляй! Моя Майя из-за тебя с собой покончила. Так что мне жить незачем!

Катя в растерянности посмотрела на Соню и прошептала:

– Как покончила?

– Так! Начиталась твоих комментов и колес наглotalась!

– Я не хотела...

– Хотела! Это ты ее убила, ты! Ей тринадцать лет было, она просто песню выложила! Стреляй, тварь!

Катя неожиданно приставила пистолет к своему виску.

Соня равнодушно произнесла услышанную недавно фразу:

– Ну или так. Тебе и правда лучше теперь сдохнуть потихому.

Помертвевшими губами Катя прошептала:

– Простите меня, пожалуйста, – и нажала на спусковой крючок.

Раздался характерный щелчок незаряженного пистолета.

Владик усмехнулся. Катя так и сидела с дулом у виска и не понимала, что происходит.

Алик аккуратно забрал оружие из ее окостеневших рук.

Соня закурила и подошла к окну с видом на кладбище:

– Майю врачи вытащили, поэтому ты жива сейчас. Но ее врачи спасли, а не ты. Так что ты все равно, считай, девочку убила.

– Она жива?!

– Да.

Алик и Влад стали собирать свой скарб в сумку. Соня смотрела в окно и вдруг услышала:

– Можно, можно... я к ней съезжу, извинюсь?..

Соня повернулась:

– А тебе это зачем?

– Вы что думаете, я совсем тварь конченная?

– Не знаю... Может, и нет. Не конченная. Поехали. Одевайся. Мы тебя внизу ждем.

– Хорошо. Я только голову вымою и спущусь.

Владислав хмыкнул:

– Вот вы, бабы, народ уникальный. Только что в эту голову пулю пустить хотела, а теперь вот парится, чтобы чистая была.

Соня и Владик ждали Катю у подъезда и разговаривали:

– Ну познакомишь ты их и что потом?

– Не знаю, Владик. С работой помогу, попробую сделать что-то.

– Давай-давай, папашу еще ее найди и всех перевези в свой дом. Иди в народ, а народ тебе потом ноги оторвет, как Александру Второму.

– Владик, ну это же не война, мы же друг другу не немцы.

– Вот именно, мы друг другу русские, а это хуже иногда. Ты разве на лестнице не поняла этого? Если бы не я, тебя бы сейчас эти двое так отработали, что сегодняшние немцы

бы в обморок упали. Так что война, Софи. – Он сказал на французский манер: – А ля гер ком а ля гер.

– Не поспоришь. Ты только и правда бабку не брось. Проверь, как она там.

Владик разочарованно умилился:

– Добрый ты человек, Истомина, погубит тебя это. Не брошу я бабку.

– Спасибо, Владик, Я тут знаешь о чем подумала, пока вниз шла по этой помойке...

– Уборщицей устроиться?

– Отключать в стране Интернет надо.

– Почему?

– А когда полстраны нищих с телефонами, в которых им каждый день показывают, как богатые живут, рано или поздно богатые на столбах все висеть будут.

– Начнем с того, что сейчас нищие в Интернете висят и у богатых есть время хоть немного поделиться, пока не поздно. А вот если нищим нигде будет висеть, то тогда кранты. Семнадцатый год. Поэтому я бы Интернет не отключал, а, наоборот, сериалы бы гнал про то, как бедные богатых наказывают. Хотя ненавидят сейчас не только бедные богатых. Так что, может, сериалы и не спасут.

– Ты хочешь сказать, среди тех, кто Майю травил, не только такие, как Катя?

– Сонь, не хотел тебя расстраивать. Ластвегас, которая самую жесть писала, – это Алиса Сотникова.

– Моя Алиса? Сотникова? Мы знакомы десять лет...

– Твоя.

Соня пыталась поверить, что ее подруга оказалась в этом хоре ненависти и еле удержалась, чтобы не позвонить ей сразу. Но собралась.

– Про Алису – это хорошая новость. Давно к ней вопросы. Интересно, она-то за что? Красивая, богатая...

– От безделья. Да и потому, что стало можно. Не все же как ты – реально разобраться решают. Но скоро начнут. Кровищи будет, зато у меня работы много станет.

Соня бессильно опустила на бордюр:

– Алиса... Я поверить не могу. Я же ей жаловалась, что меня хейт изводит. Она еще так сочувствовала...

– По Алисе у меня целая программа. Мы тут нашли на нее компромат, пока мониторили. Вилы ей. Так что, когда поедем, я тебе видос кину, покажешь для начала разговора.

– Я больше ни к кому не поеду. – Соня уставилась в отражение Владика в луже.

– Не понял. – Он подошел ближе и наступил на свое лицо в воде.

Соня пару секунд глядела на его ботинки, а потом подняла глаза:

– Все. Я больше не хочу. С меня хватит. Мне дочкой заниматься нужно. Остальным просто видео с Катей киньте, они сами поймут.

– Ты что, и Алису простишь? – как будто вбрасывая по-

следний аргумент, уточнил Владик.

Соня задержалась с ответом, но не отступила:

– Бог простит. Я ее просто заблокирую.

Не отступил и бандит:

– А я по ней поработаю. Пацанам моим хлеб, разденем ее по полной. Да и потом, несправедливость, допущенная в отношении одного человека, является угрозой всем.

– Сам придумал?

– Монтескье.

– Владик. Ты, конечно, самый образованный из всех знакомых мне убийц.

– Сонечка, именно поэтому я убиваю только плохих. Я санитар каменных джунглей. Может, поужинаем?

– Может.

Александр Гутин

Любовь окаянная

Интеллигентный человек, обладающий энциклопедическими знаниями в различных областях, легко отличающий Бабея от Бебея, Мане от Моне, а одного из Толстых от всех остальных, погруженный в непривычную для себя сферу обитания, становится беспомощным.

Мишенька, – студент предпоследнего курса филологического, сын доцента, мамочки Ольги Соломоновны, – убедился в этом лично.

А виновата в этом любовь. Любовь внезапная. Любовь окаянная.

А ведь Мишенька давал себе слово. Ни-ни. Никаких «гран амур», никаких «гросс либе».

Любовь, Мишенька, – это ответственность. А какая может быть ответственность у человека без кандидатской? Так говорила мама Ольга Соломоновна.

И Мишенька себе не позволял. Когда было совсем неведомо, когда упругие задницы однокурсниц, вероломно маня, вторгались в воображение изумленного Мишеньки, он стремглав бежал в читальный зал, хватал томик Шарля Бодлера или Эвариста Парни и до исступления читал француз-

скую лирику. И казалось ему, что это он, Мишенька, дразнит Ампанани, похищая сладострастный поцелуй мадекасской пленницы. И Мишеньку отпускало.

Но не уберег себя Мишенька. Помещенный в непривычную среду, где нет читального зала, он стусевался и упал в пропасть отчаянной любви. Любви окаянной.

Ничто не предвещало. Это было время позднего Союза, поэтому поездки студентов, даже филологического, в село на помощь труженикам агрономии было обычным делом.

Называлось это прозаично «поехать на картошку». Хотя бригада, где оказался Мишенька, занималась уборкой сахарной свеклы.

Работал Мишенька не очень хорошо, но и не очень плохо. Не очень хорошо, потому что гуманитарий. Не очень плохо, потому что побаивался бригадира Шлякина, который невзлюбил Мишеньку за то, что тот был единственным манкирующим алкогольные вечера после трудового дня. Такие люди всегда подозрительны.

– Ты чего же это, сука, не пьешь? Брезгуешь? – спрашивал бригадир Шлякин Мишеньку, сидящего на скамейке с томиком Аполлинера.

– Простите? – удивленно смотрел Мишенька из-под очков на Шлякина, не понимая сути вопроса, так как еще не успел вынырнуть из изящества Аполлинера.

– Не прощу! – отвечал Шлякин, плевал желтой слюной под ноги и, пьяно покачиваясь, уходил прочь.

И вот, учитывая рассказанное выше, совершенно непонятно, отчего в один из пятничных вечеров Мишенька, насмотревшийся на вздернутые над грядками, обтянутые джинсами крупы студенток и уставший от того, что любовная поэзия все хуже и хуже нивелировала его либидо, решил залить это самое либидо алкоголем.

Подошло бы бургундское или на худой конец анжуйское. Но дело было на Брянщине, и в наличии из благородных напитков были исключительно самогон и одеколон.

Недолго поколебавшись, Мишенька выбрал меньшее зло и выпил пятьдесят грамм чистейшего свекольного самогона.

Мишенька пил алкоголь впервые, поэтому столь экстремальное знакомство с Бахусом привело его в изумление, схожее с обмороком.

Когда он пришел в себя, то обнаружил настолько разительные изменения в сознании, что изумился вторично.

Мишенька словно скинул с себя пелену комплексов и обет безбрачия одновременно. Напрасно мама Ольга Соломоновна где-то в глубине подсознания назидательно грозила пальцем и говорила что-то про ответственность и кандидатскую. Мишенька ее не слушал.

Нетвердым, но решительным шагом он отправился к сельскому клубу, где под песню «В лицо мне смотрит рыжий конь, косит лиловым глазом» в исполнении главного советского мушкетера не очень ритмично двигались представители приезжей и местной молодежи.

Особенно старались местные чаровницы. Для них студенты из города были недостижимой экзотикой, которая внешне сама приехала и норовила попасть «у их любовные сети». Чаровницы были одеты в парадное, подчеркивающее их среднерусское крупноразмерное, коего в городе небось и не сыскать, и призывно косили лиловыми глазами, подобно коню из песни, на городских кавалеров.

Мишенька был откровенно щупл и невысок, но из-за принятого алкоголя решителен и несгибаем. Поэтому он выбрал самую крупную чаровницу, доярку Люду Агафонову, девушку почти двухметрового роста и груди невиданного доселе размера.

– Мадемуазель, – сказал Мишенька, подойдя к Люде Агафоновой и уперевшись ей лицом в невиданное. Он скорее разговаривал с ее грудью, но дела это не меняло.

– Мадемуазель, – повторил Мишенька. – Само проведение свело нас в этот чудесный летний вечер. А кто я такой, чтобы сопротивляться неизбежности? Посему, прошу вас, любезная мадемуазель! Приглашаю вас!

Доярка Агафонова застыла, открыв рот. Она никогда не слышала большинства слов из монолога Мишеньки, но поняла, что ее приглашают на танец таким вот, городским способом.

– Офигеть, – выдохнула она и положила руки на Мишенькины плечи.

Заиграла песня про маленький плот, и кинетическая кон-

струкция в виде утонувшего в невиданной дояркиной груди Миши и возвышающейся над ним Люды Агафоновой медленно закружилась по танцполу.

А потом, как говорил сам Мишенька, ночь качалась на каблуках, опьяняя пряным ароматом.

Мишенька был энергичен и решителен. Он ходил по темным сельским улочкам за руку с Людой, читая ей:

– Скажи, откуда ты приходишь, Красота? Твой взор – лазурь небес иль порожденье ада?

– Офигеть! – Люда Агафонова слушала Мишеньку так, как люди из глубинки слушают Джо Дассена, ничего не понимая, но в убеждении, что на французском можно говорить только о любви.

– Кто плачет в этот час? Не ветер ли ночной? Гранит верховные алмазы надо мной? – цитировал Мишенька Поля Валери.

– Офигеть, – цепенела, как кролик перед удавом, Люда.

Так продолжалось пару часов, пока доярка не поняла, что эта музыка будет вечной, если ей зарядить батарейки, и решила взять инициативу в свои руки. Этих городских не поймешь, думала она, но не для того я тут все эти стишки слушаю, чтобы ночь вот так вот закончилась.

Незаметно увела она упивающегося Франсуа Вийоном Мишеньку в направлении сеновала, слегка подталкивая и контролируя траекторию его нетрезвого движения.

И вот, когда они, подобно двум влюбленным пейзажам,

наконец рухнули в медвяный запах свежей соломы, а Люда Агафонова, суетясь, расстегнула пуговики на блузе, обнажив невиданное, Мишенька обмяк и замер.

– Ты чего это? – потрясла Агафонова Мишеньку за плечо. Тот не ответил.

– Эй! – призывно окликнула его Люда.

Мишенька молчал.

Вглядевшись сквозь ночной мрак, доярка удивленно увидела, что Мишенька безмятежно уснул.

Он спал как младенец, сладко посапывая, положив ладошку под щеку.

Сначала Люда Агафонова хотела возмутиться. С таким кавалером она еще никогда не сталкивалась. Здоровое женское естество требовало продолжения знакомства.

Но потом Люда передумала злиться. Было в спящем Мишеньке что-то спокойное и безмятежное. Абсолют невинности и непорочности. На такое злиться нельзя.

Приподнявшись, положила она голову Мишеньки себе на колени, да и просидела так до утренней зорьки, перебирая натруженными пальцами светлые мишенькины локоны.

Наутро Мишенька проснулся трезвый и влюбленный.

Оставшиеся два вечера в селе он искал встречи с Людой Агафоновой, та шла на контакт, но подталкивать Мишеньку к близости стеснялась.

Мишенька снова читал стихи, клялся в вечной любви и обещал жениться на доярке Люде сразу после окончания

университета.

– К черту кандидатскую! – пылко говорил он.

Что такое кандидатская Люда традиционно не понимала.

Правда, все закончилось иначе, чем предполагал Мишенька.

Мама Ольга Соломоновна в городе вновь стала реальной, а не подсознательной, поэтому Мишенька даже не стал ей ничего рассказывать о своей неожиданной и окаянной любви, понимая, что мамина аргументация о кандидатской намного сильнее, чем любая его.

А Люда Агафонова через год вышла замуж за электрика Степанова. Но иногда, правда очень редко, в ее памяти флешем вспыхивают незнакомые слова «Артюр Рембо» или «Жак Превер». И она незаметно улыбается.

Незнакомый голубь

Антону приснился странный сон, в котором он был счастлив. Во сне его лотерейный билет выиграл огромную сумму. Весь баснословный джек-пот достался Антону, и вот он стоит на серебряном подиуме, а веселый усатый ведущий лотереи, одетый в шикарный фрак, поздравляет Антона под торжественные звуки фанфар и аплодисменты завидующих зрителей. В небе вспыхивает салют, разлетаясь разноцветными огоньками, и Антон смеется от радости и падает куда-то вниз, где расплескалась золотая бездна. Он ныряет в нее головой и понимает, что это не золотые монеты, а зерно. Настоящее зерно, из которого потом будут выпекать хлеб и булки. Антон раскрывает рот, пытается захватить побольше этого зерна, глотает его, много, много золотого зерна, и...

– Аааааа! Убери эту гадость! Антон! Антон! Где ты, Антон?! Аааааа! Убери эту гадость!!! – слышит он вопль жены и просыпается.

Жена, всклокоченная и растрепанная, с выпученными от ужаса глазами стоит в углу комнаты, в одних трусах, смотрит на него, Антона, очнувшегося от счастливого сна, и орет:

– Голубь! Голубь! Антон!! Ты где?! Убери это!!! Откуда он?!!!

Антон пытается понять, что произошло, вскакивает с кровати, но это у него не получается, он падает лицом в подуш-

ку. Что с ногами? Почему они его не слушаются?! Антон делает еще одну попытку, подпрыгивает и цепляется ногами за спинку кровати, усаживаясь прямо на ней. Что???! Как это???!!

Красные птичьи лапки цепко держат тело Антона на спинке.

– Гуль-гуль, – говорит Антон, пытаясь произнести что-то по-человечески. – Гуль-гуль...

– Пошел вон!! – орет жена, и ее тапка летит прямо в антонову голову.

Тапка непривычно большая, голова непривычно маленькая. Антон хочет уклониться, но чувствует страшную боль, машет руками, с ужасом замечая, что это не руки, а крылья, и с еще большим ужасом взлетает под потолок.

Вторая тапка летит следом, ударяет в спину, Антон отлетает к окну, грудью налетает на раму и соскальзывает в законную пропасть. Двенадцатый этаж. Что бы это ни было – прощайте. Антон стремительно летит по направлению к капотам припаркованных внизу автомобилей и по-птичьи, снизу вверх, смыкает веки. Это всё. Финита. Конец. Смерть.

– Маши крыльями, придурок! – вдруг слышит он совсем рядом. – Крыльями маши, идиот!

Антон открывает глаза и видит рядом голубя.

– Крылья! Крылья тебе на хрена?! Маши, говорю! Разобьешься! – орет незнакомый голубь.

Незнакомый? Что происходит-то? Можно подумать у Ан-

тона есть знакомые голуби!! Но он послушно начинает махать руками, которые крылья, тело бросает куда-то влево, потом вправо. Но Антон уже через пару секунд чувствует баланс и летит, пока не наткнется на натянутые между столбами провода.

Он цепляется за них красными лапками и замирает. Сердце грозит выскочить из груди, в теле дрожь и совершенно непонятно, с какой стороны начинать обдумывать происшедшее сегодня утром.

– Капец, – выдыхает он.

– Согласен, – слышит он. Справа от него сидит тот самый незнакомый голубь. – Выдыхай. Просто успокойся. Хотя, понимаю, это сейчас для тебя практически невозможно. Но я тебе все объясню. Выдыхай, говорю! Опустим предысторию и прочую шелуху. В трех словах: ты превратился в голубя. Получилось в четырех словах, но предлоги не считаются.

– Что??! Как?! – Антону кажется, что сон еще не закончился, и это все происходит в его фантазиях.

– Что слышал. Ты превратился в голубя. Такое бывает, как видишь. Успокойся, говорю!

– Как такое может быть?! А вы кто?!

– Ты слепой? Не видишь? Я тоже голубь.

– И вы тоже в него превратились?

– Конечно. Все голуби – это бывшие люди. А я что, рыжий?

– Вообще-то да... – Антон наконец рассмотрел собесед-

ника. Голубь был и впрямь рыжий, с белым пятном на груди.

– Да я в переносном смысле... Слушай, тебе правда надо успокоиться. Вариантов у тебя немного. Либо научиться жить, как голубь, либо сдохнуть. Собственно, у людей то же самое...

– А вы уже что, научились? Я не хочу быть никаким голубем!

– Как видишь, научился. Правда, путем долгого и не очень позитивного опыта. Посмотри на мою левую лапку. На ней остался один палец.

– А остальные где?

– В моем случае это был кот. Но у нас, у голубей, существуют множество способов лишиться лапки. Мальчишки с рогатками, да и сами мы друг друга, честно говоря, не сильно долюбываем...

– Я не хочу быть голубем! – повторил Антон.

– Ну, милый, тебя никто и не спрашивает, кем ты хочешь быть. Как и меня, впрочем.

– И что же мне теперь делать?! – задал риторический вопрос Антон. Произошедшее никак не могло уложиться в его голове, все еще казалось сном, причем уже не очень счастливым.

– Просто запомни несколько правил. Будь сам по себе. На помойку не ходи. Там тысяч голуби из бывших блатных. Не пустят они тебя к кормушке, да и заклевать могут. Просто поверь. К политическим тоже ходить бессмысленно. Жрать

им нечего, они сами голодают. Они собираются на памятнике Ленина, гадят ему на голову и постоянно орут. Откуда жратва-то? Каменный Ленин им хлебушка не покрошит. Если будешь придерживаться правил, жить можно.

– А вы блатной или политический?

– Я сам по себе. Предпочитаю себя не классифицировать. Видишь вон тот скверик? Каждое утро туда приходит старик, кормить птиц. Вот и полетели, он уже идет!

Голубь взмахнул крыльями и решительно спикировал вниз, на аллею скверика. Антон зажмурился, разжал лапки и на удивление легко сделал то же самое.

– Молодец! Адаптировался! – похвалил Антона голубь. – Быстро ты. Многие дольше тупят.

Пришел старик, разбросал крошки. Голубь и Антон стали жадно клевать, набивая ими зоб.

– Держись меня, не пропадешь! – сказал голубь, когда сытый Антон присел на садовую лавочку. – Я тебя научу жиз...

Внезапно голубь осекся на полуслове и зашептал:

– Так. Замри. Не оборачивайся. Там кошка. Сейчас я медленно взлечу, а ты заметь, куда я полетел и отправляйся за мной. Без суеты, а то она прыгнет...

– Чего? Какая кошка? – спросил Антон и оглянулся.

Последнее, что он увидел, это огромные зеленые глаза и острые когти, опускающиеся на его голову.

– Аааааааа! – заорал Антон и упал с кровати.

– Ты чего это? – На него смотрели зеленые глаза проснув-

шейся жены.

– Я... я... я....

– Понятно, опять во сне в лотерею выиграл? Господи, когда уже это закончится? Ну нельзя выиграть у жуликов! Только деньги на эти бумажки тратишь! Сколько раз тебе повторять! Блин, еще полшестого, еще целый час спать можно...

Через полтора часа Антон вышел из подъезда и направился к автомобилю, чтобы поехать на работу. Было по-утреннему тихо, только какой-то старик, хромающий на левую ногу, кормил голубей у входа в соседний скверик.

Старик обернулся и, пристально посмотрев на Антона, слегка улыбнулся. Голуби у его ног, важно расхаживая, клевали хлебные крошки.

Леденцы

– Вы бы, Прохор Панкратьевич, ко мне пьяные не приходили. Уж больно грубы вы, когда выпимши, вона как за волосы хватали, аж кллок выдрали, да плечо теперича синее, так навалились, будто бы медведь. Да и пахнет от вас водочкой сильнехонько. – Акулина сидела на перине, закутавшись в одеяло до подбородка.

– Поучи меня, стервь! – Прохор Панкратьевич, большой, грузный мужчина с растрепанной бородой, нагнувшись, натянул правый сапог. – Еще гулящие девки меня этикетам не учили! Ты кого учишь, дура? Я купец второй гильдии! Я Карабанов! А ты кто?! Баба публичная! Твое дело лежать и помалкивать. Деньги получила? Получила! Ну, и будьте-извольте! На свои пью, не на чужие! Была бы моя воля, я бы тебе по мордасам насовал бы! Да уж больно ты баба красивая. Жалько тебе наружность портить.

Прохор Панкратьевич натянул сапог, встал, потопал по полу, присаживая ногу поплотнее, повернулся к Акулине, засмеялся:

– Да ты не куксись, девка! Я же полюбовно. Вот тебе еще гривенник. Карабановы завсегда порядок знают. Ну, я пошел. В четверых жди. Я тебе гамаша куплю новые. Хочешь гамаша? Ну, чего молчишь?

– Хочу, – тихо сказала Акулина и шмыгнула носом.

– Хочууууу, – передразнил ее Прохор Панкратьевич. – Конечно хочешь. Будет тебе. Ну, прощай.

Купец накинуд сюртук из черного крепа, надел картуз и, громко хлопнув дверью, сбежал вниз по лестнице на улицу.

– У, черт пузатый! Чтоб тебя холера взяла! – ругнулась Акулина, вынырнула из-под одеяла, в исподней рубашке подошла к окну.

Акулина увидела, как Прохор Панкратьевич шатающейся пьяной походкой пошел куда-то в направлении лавочного переулкa.

За окном была ранняя осень, и листья на липах, доставших до самых крыш, уже подернулись рыжей ржавчиной. Солнце еще по привычке пыталось согревать пыльные улицы уездного городка, но уже намного слабее.

– Черт бы тебя побрал, – опять выругалась Акулина, взяла с кресла халат и, придерживая плечо рукой, попыталась накинуть. Халат непослушно скользнул на пол.

Акулина хотела выругаться еще раз, но в дверь постучались:

– Акулька, там к тебе твой малахольный пришел, – услышала она голос хозяйки дома, бабки Настасьи.

– Зови, раз пришел! – ответила Акулина, подняла халат и, преодолевая боль, все-таки накинуд на плечи.

Дверь тихонько приоткрылась, и в комнату вошел невысокий человек в кургузом лапсердаке и старом картузе.

– Доброго дня, Акулина Кузьминична. – Человек улыб-

нулся и замялся.

– Да что же вы, Бенцион Янкелевич, проходите, проходите, чай не в первый раз-то!

Человек благодарно кивнул, прошел в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.